

— Кто бы ни был, все полагаются лишь на эту пару рук.

— Даже в объятиях трудно удержать то, что тебе не принадлежит...

Девушка в белом платье стояла перед скульптурой в человеческий рост, небрежно бросив скребок у своих ног. Она была босая. Слегка приподнявшись на цыпочки, она нежно коснулась губами лица изваяния.

— Чтобы обладать, нужно сначала научиться принимать утрату.

— К чему слезы о прекрасном, если ты уже прошел путь по заснеженной дороге?

— Моя прелесть, будь послушным... — она с обожанием смотрела на прекрасные черты скульптуры, ее пальцы блуждали по животу фигуры. — М-м...

— Кто сможет силой любви заставить Фудзи принадлежать себе?

— Почему бы не предположить, что вся эта печаль — лишь плод твоего воображения...

Зима на севере суше, чем в Шанхае. С приходом холодов золотистая листва опала, и деревья вдоль дорог стояли голыми, напоминая лишь сухие остоны. Немного тоскливо.

Ли Шань хоть и родился в Пекине, но с первого курса учился в Шанхае. Если пересчитать по пальцам, то он провел на юге десять лет и почти стал южанином. Его научный руководитель был приглашенным профессором в университете Цзиньчжоу и сейчас вел там исследования. Он порекомендовал Ли Шаня, поэтому, как только тот получил степень, сразу стал преподавателем в этом университете.

— Первая половина жизни ушла на учебу, вторая — на преподавание. Похоже, мне из стен учебных заведений уже не выбраться.

Сюй Лэюань, приехавший встретить Ли Шаня на вокзал, закинул его багаж в багажник и достал из кармана пальто связку ключей, протянув ее другу.

— Квартуру я снял, две станции метро от университета.

— Спасибо тебе, Лэюань. — Ли Шань открыл дверь пассажирского сиденья и сел внутрь. В машине работал обогрев, и тепло приятно согрело голову, которая успела разболеться от пронизывающего цзиньчжоуского ветра.

Сюй Лэюань и Ли Шань были однокурсниками в Шанхайском университете: один учился на факультете психологии, другой — на финансовом. У Ли Шаня было немного увлечений, и каждый раз, когда он ходил на стендап, он встречал там Сюй Лэюаня. Так они и сдружились.

После бакалавриата Сюй Лэюань остался в Шанхае открывать свой бизнес, а Ли Шань продолжил обучение в магистратуре. Как Сюй Лэюань оказался в Цзиньчжоу — поговаривали, что он вернулся наследовать семейное состояние.

Странное дело, но через год после возвращения Сюй Лэюаня, Ли Шань, защитив докторскую, тоже приехал преподавать в университет Цзиньчжоу. Кроме своего научного руководителя, он здесь никого не знал, поэтому старый друг, проявив гостеприимство, заранее нашел ему жилье.

— На выходных покажу тебе город. А сегодня отвезу в университет, у меня еще дела в компании. — Сюй Лэюань завел двигатель и протянул Ли Шаню бутылку воды. — Два года не виделись, а ты наконец-то догадался сесть на переднее сиденье.

Ли Шань, уже собиравшийся открутить крышку, замер. Сюй Лэюань, не заметив его реакции, продолжал:

— Видимо, запомнил мои слова. А то вечно лез на заднее сиденье, будто я твой личный водитель.

— Да, я помню, — Ли Шань открутил крышку и, слегка запрокинув голову, сделал несколько больших глотков.

— Здесь воздух сухой, купи себе какой-нибудь крем для кожи... Ах, голова моя дырявая! Забыл, что ты из Пекина, тебе такие советы ни к чему. Кстати, я до второго курса был уверен, что ты южанин...

Он не успел договорить, как, заметив мелькнувшую впереди черную тень, инстинктивно ударил по тормозам.

Визг шин.

Обоих резко дернуло вперед, спасли только ремни безопасности. Кёнигсегг вылетел с примыкающей дороги и скрылся прежде, чем они успели что-либо сообразить. Сюй Лэюань, не придя еще в себя, убедился, что из-за поворота больше не вылетит никакой безумный спорткар, и снова нажал на газ, направляясь к университету. Разговаривать больше не хотелось. Сюй Лэюань сосредоточился на дороге и не заметил, как Ли Шань на пассажирском сиденье задумчиво смотрит вслед удаляющейся машине.

Будильник прозвенел ровно в час дня. В это же время Лэн Цзиньци плавно припарковал машину. Сегодня он проспал и забыл, что должен был кого-то встречать. Пришлось гнать на всех парах — кажется, он только что чуть не сбил кого-то на дороге...

— Учитель! — Лэн Цзиньци, увидев мужчину, выходящего из выхода, помахал рукой.

— Я еще не настолько стар, чтобы ослепнуть. — У Ляньшань, едва выйдя с вокзала, сразу узнал своего ученика. Когда-то после выпуска из полицейской академии он хотел оставить его в Пекинском отделе уголовного розыска, но тот наотрез отказался и уехал в Цзиньчжоу, в Отдел по расследованию тяжких преступлений. Впрочем, за эти годы этот паршивец все же дослужился до начальника отдела.

Когда У Ляньшань рассказывал об этом отцу Лэна, Цзинь Сую, тот лишь удивленно спросил: Неужели Цзиньчжоуский отдел решили распустить?

— Ты бы хоть подстригся. Вернешься на Новый год домой — отец снова начнет ворчать. — У Ляньшань с досадой посмотрел на ученика. У него были сотни учеников, но такой своенравный попался впервые.

— Не буду стричься. — Лэн Цзиньци убрал флажок и уже хотел пригласить учителя в машину, но, взглянув на его багаж, замолчал. — Вы серьезно думаете, что в мою машину влезет ваш чемодан? Вы едете на совещание всего на два дня... и привезли такой огромный баул?

Черный спорткар вызывающе красовался перед глазами У Ляньшаня. У мужчины дернулся глаз. Будь на месте Лэна кто-то другой, он бы уже давно отвесил ему пинок. В их профессии принято соблюдать осторожность, и только Лэн Цзиньци ведет себя так, будто боится, что окружающие не узнают о его богатстве.

Мать Лэн Цзиньци была из крымских узбеков, а по отцовской линии он принадлежал к старинному пекинскому роду. По идее, он мог бы всю жизнь бездельничать и ни в чем не нуждаться, но парень упрямо пошел в полицию. Говорят, отец гонялся за ним по улицам, крича, что он пересмотрел детектива Конана. Места, где живут богачи, обычно тихие, и если крик был слышен в другом особняке, можно представить, насколько был разъярен старик. По слухам, Лэн Цзиньци тогда ответил, что Конана больше не смотрит, теперь он фанат Шерлока Холмса.

Может, в чем-то другом он бы и стал бездарным сыном богача, но в роли криминалиста этот «принц» оказался на своем месте. Хотя некоторые шутят, что ему стоило идти в актеры — с такой внешностью успех был бы гарантирован. Но у него были способности, иначе он не стал бы начальником отдела за столь короткий срок. У Ляньшань говорил, что в нем есть упорство, он прирожденный сыщик. Бить такого рука не поднималась.

— Твой брат позволяет тебе гонять на этой машине, не боится, что разобьешь? — У Ляньшань поймал такси. — Ты видел хоть одного полицейского, который гоняется за преступниками на спорткаре?

— Это чтобы выглядеть солидно. — Лэн Цзиньци назвал таксисту адрес и помахал учителю рукой. — Мне еще нужно вернуться в отдел. Учитель, свяжитесь со мной вечером.

— Какая мне нужна солидность? — У Ляньшань закрыл окно. — Я сам по себе и есть солидность.

Когда такси скрылось из виду, Лэн Цзиньци открыл дверцу спорткара и зевнул. Его учителю действительно не нужны были понты. Когда У Ляньшань своими руками крушил банды и ловил серийных маньяков, Лэн Цзиньци еще даже не родился.

Отдел по расследованию тяжких преступлений Цзиньчжоу. Здание полиции возвышалось на юго-востоке этого приморского города. Лифт доставил его на 12-й этаж. Перед выходом Лэн Цзиньци небрежно собрал длинные волосы в хвост.

— Почему к нам опять пропихнули блатного? Директор что, считает наше управление пятизвездочным отелем? — Голос Чэнь Цзиня был настолько громким, что каждое слово долетело до Лэн Цзиньци.

Куан Е, глядя на экран с сообщением об успешном взломе, перестал стучать по клавишам.

— Разве не веселее, когда людей много?

— Ты же социофоб, как ты можешь говорить, что с людьми веселее?

Чжун Миэр сидела за столиком у окна и ела салат. Она выдавила ярко-красный кетчуп прямо в контейнер с зелеными овощами. От этого зрелища у Куан Е по спине пробежали мурашки. Он вспомнил, как однажды имел «честь» (по принуждению) присутствовать при том, как Чжун Миэр проводила вскрытие.

— Опять халтуришь на стороне? — Лэн Цзиньци появился за их спинами. Он наклонился и уставился в экран компьютера Куан Е. Его голос прозвучал холодно, словно ледяная игла.

Все вздрогнули. Куан Е поднял руки вверх:

— Босс Лэн! В этот раз правда нет! Это ребята из городского управления попросили помочь.

— Подтверждаю! — Чэнь Цзинь вскочил со стула. — Раньше бывало, но в этот раз — точно нет.

— Правда? — Лэн Цзиньци сунул руки в карманы брюк. Притворная холодность исчезла, и он с легкой усмешкой добавил: — Будут деньги — с тебя обед на всех. Кто видел — тот участвует.

— Поддерживаю! — хихикнула Чжун Миэр. — Хочу стейк, прожарки медиум-рээр!

— Сестренка, ну у тебя и вкусы, — Куан Е снова представил перед глазами неприятные картинки.